

ВОЛГО – ВЕРХОВЬЕ

Сумею ли выразить... отобразить словом случившееся нечаянно... внезапно, паче всякого ожидания – произошедшее со мной. И возможно ли описать вполне достоверно встречу с образом, устремлённым в неведомое, несказанное. Встречу с образом – именно её - усилимся запечатлеть... запечатать в текст по ещё горячим следам воспоминаний...

Начну ли с того, что стану обобщать некие навалившиеся изнутри, вполне очевидные и обычные суждения о произошедшем. Суждения, не ищущие ни оригинальности, ни полноты, но, единственно лично - моего самоуяснения в них. Пожалуй, - так. Образ живой дарован человеку от сотворения, как замысел... как промысел о человеке - именно этому образу ещё надлежит уподобиться Даровавшему его, у-подобить-себя Богу. Образ живописанный в освящении обретает некую духовную сопричастность Богу, оживотворяется освящением. Образ рукотворный создаётся, как часть окружающей природы, одухотворённой молитвенным воздыханием и усердным возделыванием, почтительным украшением. Так и поныне - проявляет себя адамово ремесло, естественным и приобретённым навыком к устройению сада, к именованию существ в нём... Создание и освящение особенных пространств и устройств для служения Богу – храмов – преодолевает сами эти пространства, не ограничивается ими, превосходит собственно храм – его физические пределы. И создаётся образно – священное, освящённое пространство бытия в Богообщении. Пространство святого символа – окружает и вмещает живущих... устроено к почитанию ушедших... к ожиданию в завязи тишины тех, кто ещё не явился на свет Божий. Сорботничеством человека и Бога – возникает и обустраивается пространство жизненного существования, только и пригодное к истинному бытию... к бытию в Боге – Истине. И это пространство - созидаётся, как образ, как духовный символ рая, как огромный вне – архитектурный храм – райская обитель... пространство... простор обитания, обретения бытия. Богом промыслен и всякому языку - дарован его природный удел, - к рукотворному обустройству, почтительному возделыванию образа, связующего с Богом. И Богообщительному образу надлежит, пробудившись, деятельно – жить в человеке, в народе, если не катится он к своему исчезновению. Так и нам – дарован к сохранению, творческому возделыванию и к плодотворному процветанию, к обереганию и к защите - сад Святой Руси... Внутри этого сада - дубравы со вселившимися иконами... - дуб с дуплом, становящийся часовенным дубом – духовным часовым, бодрствующим на стороже тёмного бора. Внутри обретаемого, пробуждаемого рая - перекрестия дорог, - земные кресты, глядящие в Небо, увенчанные «голубцамим», вознесённым над плоскостью равнины молитвенным столпами путнических молитв... Внутри Сада - следствия и плоды человеческих усилий, приложенных к одухотворению видимого и обустраиваемого жизненного пространства, простора, в котором удобно, естественно, не столь приятно, сколь единственно – возможно вне повреждений и искажений своего естества, – возможно иконно - «тихое и безмолвное житие» - жить во славу Господнюю, шествуя на пути к чаемому Царствию Божию и жизни будущего века... Как естественное свойство Адама – человека, как свойство превыше – естественное и задача сверх сил - одухотворение пространства временной жизни... скоротечной и мимотекущей в Жизнь Вечную... Одухотворение пространства бытия, - жизни, вливающейся в естественный длительный, - от сотворения мира длящийся, - поток времён. В этом текучем пространстве – как следствия – следы пред-шествующих поколений – образован, благоустроен и намолен - образ Бога. Казалось бы, чего проще – лишь распознать его. И само время, текущее в просторе нашей страны, внутри пространства бытия нашего народа - текущее время – естественно и чудесно прообразовано Богом, наделено несомненной духовной символикой, соприродной и Творцу моему... и Отечеству нашему – всё ещё и до скончания веков - Святой Руси. И

нам, лишь сердечно и любовно осознавая это, воспринимать в себя дарованный символ в унаследованном просторе нашей... моей – Родины, бережно принимая – раскрывать, принося – насыщаться от него, передавать последующим, научая их к восприятию дарованного, к навыванию в любви... к благоговению перед ним и перед Первообразом святости. Само наше унаследованное пространство вокруг – удались только от ширящихся мест поругания и скверны... - всё ещё образотворствует, воистину - свидетельствует собою о Христе, бродящем и благословляющем бедные селенья и нищую природу, выявляя Свой образ перед нами.

Вот так естественно и со-природно нашему Отечеству, естественно – символично образовывает наше физическое бытие струящаяся в нём река... издалека, долго, – течёт река Волга... Долго – длительно утешительное, цельбоносное и величавое течение это в многострадательном и долготерпеливом краю. Родина... род... родник... природа... народ – едины и полнозвучны смысловые наполнения этих слов, укоренённых в родовом сознании символов. Волга... Волхов... Ильмень... Валдай... Селигер... Кравотынь... - таинственно – звучные, звонкие имена, не вполне распознаваемы дилетантом корневые значения в этих звуках – именовании во глубине корневища Руси. Быть может, сей час не столь важны этимологические значения этих звуков... Не столь важны, как сами эти чарующие, настораживающие, восторгающие душу звучания имён с нерасознаваемыми в них очертаниями смыслов. Расплываются в очах наших и в сознании, не ограничиваются явственными очертаниями эти смыслы – так и живут в нашем почти безумствующем, недоумевающем сознании – и радуя, и восторгая нас. Живут, напитывая сполна, оживотворяя, бережно и любовно вос-питывают собою, словно убаюкивают звучанием. Неотступной душой – утоляемся ими, даже и не помышляя о том – насыщаемся неисчерпаемой подспудной, неизъяснимой полнотой. И так естественно, легко, радостно само помышление, само воспоминание о звучании этих имён, о пресладостном наслаждении, об исцелении ими. Как легко, непостыдно нам, естественно, неліцемерно – свидетельствовать о себе, выговаривая, произнося из потаённой глуби своего естества любовное, благо-дарное это чувствование...

К чему бы всё это? – всего лишь вольная затянувшаяся преамбула к описанию произошедшего события, воспринятого впечатления... к выражению личной впечатлѐнности случившейся встречей с истоком... истоком нашей Волги, истоком нашего самоосознавания, истоком нашего станового хребта на поверхности природы – обиталища или обители нашего рода. Не столь уж важно то, какими путями, какими судьбами, случайностью какой – занесло меня, нас – к этому месту... что вопреки поговорке мудрости народной действительно – красит, украшает собою, возвеличивает человека... так почувствовалось моим достоинством, восшедшим сюда, пришедшим. «Издалека...» - это вот – отсюда, здесь – средо-точится эта потаённая даль... Из – неё...

Небольшая сухая лужайка под пологим холмом в низине, в окружении молодых берѐз и елей, и посреди – не из болотной трясины, не из умягчѐнных гниением топких земель... - из нутра матери пренасыщенной водами живыми действительно сырой Русской земли – ис-течение, вос-течение, вос-торжение, про-изведение на свет Божий... вознесение и осуществление – реки. Из недр земли – происходит, произрастает Она, из глубин, из сокровения земного – возникает тонкий, спокойный, неотступный поток, выходящий на поверхность земного лица – предъявляя себя Лику Господнему. «Не сякнет ручей», - так сказал об ином поэт. Не сякнет столетиями ли, тысячелетиями ли... - из глубины, из сокровенности земной – возникает, проистекает и образуется это небольшое озерцо... не более метра или двух... если вообще - применимы здесь человеческие из-

мерения, если сама система мер и весов не унижает, не оземляет, не опошливает своей несоизмеримостью с видимым и чувствуемым.

Новая часовня над этим озерцом освящена не столь уж давно. Образ Спаса Нерукотворного – здесь же, – уместен необычайно. Нерукотворно проявлен лик Христа – над нерукотворным истоком, над целебным родником реки рода - нашего. Христос – чудесно явил некогда образ Свой... и столь же чудесно из небытия, из под спуда земли – являет Русь – свой образ – реку... И тонюсенький, в пару пядей шириною – ручей, - струится отсюда, изящно и плавно вьётся по низине, между холмами. Отражает он и голубые небеса, и мрачающие тучами выси, принижённые и налитые непогодьем, отражает и небо ночное в отверзающемся мраке и о-зоренное звёздным светом. Так, на фоне темнеющей земли и нарождающейся в Пасху травы – серебрится отражениями Неба – струящаяся от истока – Волга. Младенцу, - не то, чтобы перепрыгнуть, – легко здесь перешагнуть через неё, стать своими ножками одновременно на правый и на левый берега реки. Исходя на поверхность от сокровенных земных глубин, – не иссякает... и милостью Господней, до скончания веков – не иссякнет этот поток. Не от болотных топей, не от снегов талых, - из потаённых глубин Русского мира – зачинается течение – речение, его земное бытие, существование... зачинается становой хребет... духоводный символ Руси, река свето-зарных, свето-видных небесных отражений. Распознаю ли, восчувствую ли явное чудо Господнее в этом скромном и таинственном, неизъяснимом вполне - и обыденном, и удивительном – про-явлении сокровенного, сакрального и естественно природного – символа. Символ наполняется святостью и помимо нас, но освящает лишь открытого к освящению, обращённого к символу и Первообразу в проникновенном, благоговейном предстоянии.

Смогу ли назвать видимое каким-либо чуждым и мертвящим научным термином, означающим некое искусство сакрализации обыденности... Искусство наделения священными смыслами того, что таковым по сути не является... Искусство устроения духовных значений и символики к тому, что не имеет подобного символа в себе, в своей без-символьной природе, в своём, исконном, без-образии... Смогу ли помыслить так, не изменяя самому себе, не извращая своего человека, не убивая образа и самой жизни в себе самом... смогу ли высказаться так... Символ духовный, образ поэтико-лирический, символ исторического и душевного бытия, само-сознания русского человека про-является здесь словно бы сам собою, совершенно неотвратимо, неизбежно, ненаглядно, осязаемо. Чрезвычайно легко и естественно – здесь – оживает и оживотворяет собою символ, а точнее – Первообраз – Бог, присутствующий так приближенно... безо всяческого нашего участия в этом проявлении. Нам – лишь отзывчиво внимать и обрадованно, утешливо - следовать открывающемуся... при-откровенному.

На дороге без покрытия к этому месту – небольшие горбатые мостки над юным ручьём... и как бы над взрослым – несколько возросшим уже речным потоком – установлены дорожные знаки – именованья реки: «Волга», - прочитываем мы и переезжаем по «мосту» узкий ручей. Шутка ли... Образ, вразумительный - преподан к осознанию нами... к действительному вмещению в собственное наше бытие. Хорошо бы, - подумалось мне, - встретить этот образ – молодым, когда точно так же, как и река – зачинаются наши годы... - встретить в самом начале своего жизненного потока, чтобы, по возможности, – соизмерить, и далее со-измерять, точнее сопоставляя, со-гласовывая, со-бытийствуя, - со-образовывая своё жизненное течение от начала – с истоком нашей... моей – реки. Хорошо бы и встретить этот исток в тот момент, когда течение ручья нашей жизни – приближается к своему иссяканию... либо к устью, приближается к

проникновению в Вечность, к растворению в Необъятном... Не беда и вовсе не встретиться с этим местом... не есть оно само-цель некоего обязательного «русского хаджа». Но, воистину, сколь обогатит эта встреча наш личный поток, наполнит его собою, вольётся в него взаимным проникновением осознанный, воспринятый – этот образ. Сколь искренне жалел, что сын отказал тогда себе в этой встрече и не поехал с нами. Быть может, его ещё ждёт это событие, на каком-то ином этапе жизненного течения и в иных обстоятельствах... как знать сей час о том. Но искренне – ликовал, утешливо - радовался, тому, что дочь стопочками своими – ошутила одновременно правый и левый берега Волги – реки. словно бы соразмерный колосс – возвышалась дочка над берегами, приникая к ним, произрастая в грядущую жизнь – вместе с истоком Волги, восчувствовав этот исток именно сей час, когда чувствование это уже возможно и приемлемо памятью, осознаваемо хоть бы отчасти.

Нужно ли что-то ещё – создавать, благоустраивать человеку в этом естественном природном символическом пространстве нашей страны, в сердцевине... в образном истоке Отечества. Понятие человеческого образо-творения в пространстве – применимо ли к этому месту... Или же всё образотворчество вблизи Волго-Верховья, во глуби его истока возможно и достойно к проявлению лишь в самой человеческой, Богу – уподобляющейся... ищущей и жаждущей, ждущей Бога - душе, во внутренних составах человеческой природы, приникающей к образу, к восприятию его и к личному во-ображению им. Следует ли оцерковлять этот природный, естественный символ... восполнять его Христом. Веруем, что... – нужно и уместно. Чрезвычайно уместно – именно здесь – расположен Ольгин монастырь. Святая Ольга... дохристианская Хельга – провождает нас в нашем течении к реке, чрез раскрывающийся символ к иному берегу потока, к нашему Перво-образу во Христе... к самому истоку нашего христианства. В самой княгине – пробуждён исток ещё немощному, зыбкому, но уже неотвержимому христианству в моей Руси... И благодарная церковь – именует Ольгу «Начальницею веры», «Корнем православия»... сколь точны эти именованья – освящающие, равно-апостольно осеняющие Христом, оцерковляющие перво – исток в течение реки. Исток освящается именем - этим ... или само имя княгини освящается в приникновении к этим водам, к этому месту, к этому удивительному, удивливающему нас - символу.

Сколь сожалел об упущенном, о не соделанном здесь, о не уделённых, может быть, минутах успокоенного пребывания у истока один на один с ним... О не погружённых в эти воды ладонях... о не приникших к этому потоку устах... О не омытом в этом течении лице... о не погружённой в поток всей своей способности к его приятию... Растрчиваясь в мелочах, опять упустил самое важное, и не восчувствовал вполне животворную влагу молодого, новорождающегося ручья... Не ощутил памятно священно-действующей и животворной его теплоты, не принял её в свою грудь тогда, внутри чуда проявления Реки из земных недр... не впитал хоть бы каплю этой воды, приближаясь к ней своею тёмной утробой... быть может, - так обнадёживаясь высветлить собственную темноту. Не произошло этого физического соприкосновения, телесного слияния с истоком... об этом подумал позже, глядя из отступившей дорожной пыли на непокрытую тряскую дорогу перед собой. Быть может, к лучшему быть – так... правдивее – нести в себе это вот сожаление о не случившемся, чем некое удовлетворённое и насыщенное довольство о произошедшем присвоении символа, приобщении собственной нечистоты к светлomu истоку, к тихому и юному течению росному... обманывая и утешая своё недостойнство перед ним... Так через преодолённое сожаление – помыслилось позже.

Позже... ниже по течению этот не сянущий, тонкий, светоносный, изящно виющийся ручеёк – станет могучей, неоглядной рекой, - примет в себя другие воды малых ручьёв и речушек – капилляров, токи могучих речных живо-носных артерий Оки, Камы... Это позже нальётся он силищей в неодолимой стремнине меж противоположащих берегов, - и восстанут на этих берегах – города – ожерельями русского самосознания, само – узнавания в - этих небесно-стремнинных – водных отражениях. И вольются силы в человека, при-никающего к этим водам, утоляющего Волгой жажду своих иссыхающих очей... И, верую, - словно бы ниоткуда – пре-будет в робеющих мужество – отстаивать свою Родину, как бы себя самого, как своего родного и ближнего – друга, как уневещенную - свою... отстаивать до самого жертвенного положения души. И всё это – будет потом... и далее по течению времени. А здесь – встречен лишь малый исток грядущему присно... и уже – вне времён.

В близлежащем кафе в ожидании супа... предложили радостное - рассмотреть самодельные альбомы фотографий Прокудина – Горского, запечатлевшего в былинном полноцвете эти места до революции, безо всяческих электрических столбов и во благолепии выкошенных лугов, окружающих статные жилища... Тут же - архивные описания боевых действий Великой Отечественной с фотографиями немецких офицеров – карателей, - несущих нам кару, европейское воздыние за всё «имеемое и присвоенное нами не по праву». Воины врага – вошли на этот Исток. Через два месяца после начала войны вражеский военный сапог – наступил здесь на физическое... и духовное сердце России, овладел им и при-давил его, убивая отстаивающих и живущих вокруг. Не пременилось, не умалилось величие Волго Верховья от пренесённой тяготы вражеской пяты... от попрания ею. Не иссяк поток, не омрачились эти воды, очистившись от скверны... не исчез, не обессилил, не опустошён от духовного наполнения, не выветрен вихрем враждебным символ, не заглохла река и не прекратилась моя Русь. И как своею немощью не расширить здесь евангельского из-речения: не поругаем Бог... в сердце моего Отечества.

Веруем, что милостью Господней, одною лишь великою милостью Его, вопреки, несмотря ни на что, – продолжается Родина - Русь и поныне в тихом полно – водном течении своей сокровенной святости. Приникну, мысленно возвращаясь, утешусь, вспоминая о произошедшей встрече... напою иссыхающие свои составы, утолю себя ненаглядным, неместимым истоком бездонного содержания моей реки...

Таков – случай, таковым распознаётся теперь символ в произошедшем... таковым – пережито самоощущение внутри него. Сумею ли выразить словом, оформить произошедшее во мне самом вот только что. Уже ли не в праве я... и многих, долгих усилий ждёт от нас символ – дверь и Господь – позади неё, - толцйте – и отворится когда-то – откроется в живое со-бытие со Христом... ужели не сей час и не – здесь. Уже ли – вновь легко минуем произошедшее в надежде на то, что лишь где-то далеко впереди текущего и грядущего путешествия нашего – когда-то ещё пред-стоит встретить самое важное... Минуем в самозабвенном обмане охлаждая себя, забывчивого и нечувственного тем, что будто бы не столь уж существенно то, что уже приблизилось к нам вплотную, лицом к лицу... и осталось позади нашего личного течения. Но как же тогда – выиграло сердце в этом приближении, в близи несравненного места, больно стучалось, - так бьётся душа в потёмках грудной клетки, пульсируя в жилах. Воспомню ли позже этот стук и клёкот сердечный, замирание приникающих чувств – как знак изнутри моего естества, жаждущего проникновения в распахивающийся здесь образ... как деятельное – проникание, приоткровение Бога ко мне, грешному... Стучим в этот символ учащающимся сердцебиением, восстающим из безразличия, стучим неотступно, да отворит себя Волго

Верховье, да воспримет зывание, откликновение наше на Его призыв, да возведёт к Первообразу своему и к Первообразу нашему...

Уже значительно позже, из удаления от этого места, из отдаления от случившегося в течении времён, – словно бы послевкусием к пережитому, промысленному и прочувствованному возникло... новое, освежившее понимание имени «Волго-Верховье». Или это имя - само – стало понемногу приоткрывать себя, впускать в себя наше разумение на удалении от него, из утихающего звучания – возникло в некий миг, когда ты, вроде бы и не произносишь, не выговариваешь его, даже и не помышляешь более... Всё удаляешься, у-даляя-себя... ускользая в иную от бывшего обыденность, в иные обстоятельства событий, их именовании. Имя нежданно – приблизилось из ночного сонного полузабытья, открыло себя в утреннюю новь... так ли от глубины впечатлённости встречей, совершенно внезапно – раскрылся его неожиданный, подспудный и, как видится теперь, - главный и невместимый вполне - смысл его. Имя открыло себя – на удалении от него, - возвратилось, настигло наше отстранение, посетив и наполнив собою нашу память... - приникло своими смыслами, своим новым и пронзительно – свежим, не ожидаемым осознанием: «Волго – Верховье». Словно бы... И да не помыслию, что в том – лишь всполох мысленный - фантазийный, фантастические пред-рассудки, недоразуменные суждения... - но словно бы живое существо – раскрыло себя - имя, казалось бы, воспринятое и уже привычное, осознанное вполне, - открыло себя имя в обновлённом пространстве, в объёме своего духовного размаха, разливистого звучания, пренебесного существования и значения... Волго-Верховье! Ощутимый и не-во-образимый «верх» - присутствует в этом слове, в этом имени живо струящейся реки. «Верх», а значит, некий ощутительный и умозримый пред-полагается «низ», из которого эта высота может быть распознана, узнана «высотой», - в этот «низ» устремляется уразумеваемый смысл имени – от небес – долу. Вот он: смысловой вертикальный столп: струится, ниспадает, нисходит к нам – это имя... Сверху – вниз – течёт Волга, из далека и «далеко» это отнюдь не в плоскости видимой и не в трёхмерности ощутимой, - далеко это в иной, духовной вертикали – в измерении ином, - где-то «за очными областями» нашего видимого мира... из этой удалённости - нисходит к нам река нашего осознания, нашего духовного прилежания к ней, нашего вос-становления и дерзновенного восстания из небытия к бытию в существовании нашем. Имя – восторгает нас. Волго-Верховье... от высот пространственно – духовных – ниспадает к нам течение духовной реки, - станового хребта, низводимого к нам... низводящего себя – к нам, утверждающего себя в нас... Не подменим же ею, рекой – не заместим – Бога, не станем на стези чуждые и склизкие, не заменим рекою Христа, распознавая Его образ в животворящей текучести чистого речного потока... Христос – открывает Себя во всяческой малости – и непредвиденно – напоминая нам о Себе, предъявляет неожиданный естественный символ, как растворённые Им врата к Себе. Не погрешим против Открывшего Себя, осознавая так.

«Из далека»... и вновь - вспомним нашу, некогда очень известную и – любимую песню. «Далеко» это – за пределами возможности видения наших глаз... «Долго» - и протяжённость, продолжительность, одоливающая нас продолженность – исходит за пределы разумеемых времён и осознаваемых во времени обстоятельств. «Течёт река...» течёт в пространстве перед нами... таинственно - течёт в самих нас, вливаясь и наполняя наше существование перед нею и в её потоке, - словно бы молитву – воспримем удивительно глубоко проливающиеся эти слова, плывущие по волнам величественной, как река, мелодии старой... и не стареющей песни.

Ужели - здесь, в малой деревушке меж пригорками это таинственное «далеко»... действительно ли отсюда – течение это, этот исток вод светло струящихся. Или же место дивное, видимо нами не вполне, отчасти... узнаётся слишком гадательно. И несёт нам прообраз отнюдь не воспоминание о затерянной точке на карте с небольшим родником у Валдайской возвышенности. Истинное Волго-Верховье вознесено првыше высот и верхов – удалено, возвышено – и всецело - нисходит, вливается в мир видимый, одухотворяемый неясвенно. И так действительно – напитывается небесной влагой моя Русь... воочию – наполняется, животворится, - и входит, вникает в мир удивительное течение, величием и значимостью своего имени от Первоистока зачинающейя отсюда реки... От Небес невидимых – истекает этот поток... в нас, благодарных, благодатствованных им, - востекающий.